

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (47).031

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ПРИ ХАНЕ БЕРКЕ

А. Г. Шереметьев

Саратовский государственный университет
E-mail: alexandrsheremetev@yandex.ru

В центре внимания автора находятся известия арабских средневековых историков, согласно которым ислам, принятый золотоордынским правителем Берке, стал основой его внешнеполитической деятельности. Анализируя эти данные, А. Г. Шереметьев предлагает разграничить понятия «религиозный фактор» и «религиозный ресурс» и приходит к выводу, что ислам в политической жизни Улуса Джучи при Берке играл роль не движущей силы, определяющей вектор политической деятельности, а инструмента, позволявшего добиться конкретных целей.

Ключевые слова: Золотая Орда, ислам, тенгризм, религиозный фактор.

Religious Aspects in Foreign Policy of the Golden Horde During Berke's Khan Reign

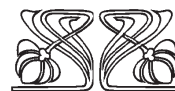
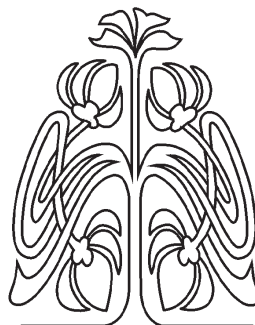
A. G. Sheremetyev

The article «Religious aspects in foreign policy of the Golden Horde during Berke's khan reign» written by Alexander Sheremetyev is devoted to works analysis of medieval Arabic historians concerning Berke's khan Muslim devotion. According to the authors Berke's personal commitment to Islam was the decisive factor in his foreign policy activities. The struggle between the Golden Horde and Mongolian Iran was defined as «Religious War». A. Sheremetyev came to a conclusion that medieval authors exaggerated Berke's personal commitment to Islam. Islam was one of the methods in political activity realized in scope of Mongolian official and religious ideology – Tengrism.

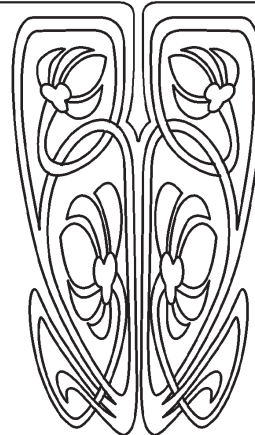
Key words: Golden Horde, Islam, Tengrism, religious factor.

В Средние века религиозный фактор имел едва ли не решающее значение в жизни общества. Политическая жизнь государства была тесно связана с религией, точнее с религиозной идеологией, которая обеспечивала сохранение государственного строя. Одной из важнейшей функций религии следует признать формирование и развитие массового сознания. Для средневековья характерна ситуация, когда «религиозные организации и духовные наставники все делали для того, чтобы представить существующий строй общественной жизни как единственно возможный, не подлежащий изменению»¹. Как правило, господствующее положение в этих государствах занимала одна религия. Однако в Монгольской империи, в частности в Золотой Орде, сложилась ситуация, не свойственная большинству государств эпохи Средневековья. Речь идет о знаменитой монгольской веротерпимости, в рамках которой на территории империи уживались представители многих вероисповеданий.

Взгляды исследователей на причины этого явления тем не менее разнятся. «Россия во всех сферах жизни многое позаимствовала у Золотой Орды. И одним из самых важных опытов было уважительное отношение ко всем религиям. По закону монголо-татар полагалось бояться и уважать всех богов, чьи бы они ни были. Этот принцип веротерпимости соблюдался и в рамках ислама, который приняла Золотая Орда»², – пишет В. Ф. Артюшкин. Подобный взгляд на отношение монголов к чужим религиям сложился в отечественной историографии еще на первых этапах изучения Улуса Джучи. Так, Н. И. Веселовский писал: «Освобождение русского духовенства, как и всякого другого, от

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

подачей и повинностей исходило у монгольских ханов из страха перед колдовством, которым обладали, по мнению монголов, все церковнослужители, почему и надо было их задобрить»³. Однако мы склонны придерживаться позиции, озвученной А. Г. Юрченко: «Почему хан, окружая себя представителями чуждых монголам религий, не рисковал утратить статус законного правителя в глазах кочевой аристократии? Потому что истинной «религией» монголов, уповавших на волю Неба, было стремление к могуществу. Создание империи предполагало стягивание в одну точку сакральных потенциалов от всех подвластных монголам земель и церквей»⁴. Другими словами, монголы в своих действиях руководствовались в первую очередь положениями уже имевшейся у них идеологии. Все остальные учения привлекались по мере необходимости, для решения задач, обеспечивавших существование империи.

Прежде чем говорить о влиянии религиозного фактора на политическую жизнь Золотой Орды, необходимо наполнить конкретным содержанием и очертить концептуальными рамками саму, довольно часто используемую исследователями, формулировку «религиозный фактор». Понятие «религия» по своей природе весьма неоднородно. Среди составляющих религии, как правило, выделяются: 1) наличие разработанной системы догматов, мировоззрение; 2) наличие слаженной системы институтов, органов управления; 3) набор ритуалов, культ; 4) порой, отдельно выделяется личный опыт переживания сверхъестественного.

Принимать участие в политической жизни государства и оказывать реальное влияние на те, или иные события религия может через такие свои составляющие, как мировоззрение и система институтов. Здесь следует оговориться, что не совсем корректно относить к религиозному фактору деятельность религиозных организаций (институтов), ибо здесь идет речь не о влиянии религии как системы мировоззрения, культа или личного опыта, но о влиянии организаций. В связи с этим, например, предлагается «католический фактор» (т. е. религиозный фактор) отделять от «фактора католической церкви» (т. е. конфессиональный фактор)⁵. Таким образом, под религиозным фактором мы склонны понимать в первую очередь фактор мировоззренческий, идеологический.

Говоря об участии религии в политической жизни, следует разграничивать такие понятия, как «фактор» и «ресурс». Монголы имели свою политико-религиозную идеологию (по Ш. Бира «Тенгеризм»⁶), которая, на наш взгляд, играла роль *фактора*, т. е. движущей силы. Все остальные религии, попавшие в сферу влияния монголов, выполняли в большинстве случаев функцию вспомогательных *ресурсов*, например для легитимации власти монгольских ханов в глазах подчиненного населения.

Рассмотрим вопрос о влиянии исламского фактора на внешнюю политику Золотой Орды в

годы правления Берке (1257–1266 гг.). Известно, что золотоордынский правитель Берке первым среди чингизидов принял ислам, в чем не последнюю роль сыграл бухарский шейх ал-Бахарзи⁷. Арабские источники, а вслед за ними и некоторые исследователи, рисуют картину, где мусульманское благочестие Берке стало основным фактором его политической деятельности. Для начала выясним, как выглядела ситуация в передаче мусульманских средневековых авторов. Так, ан-Нувейри (1279–1333 гг.), арабский ученый-энциклопедист, пишет: «Этот Берке сделался мусульманином и ислам его был прекрасный. Он воздвиг маяк веры и установил обряды мусульманские, оказывал почет правоведам, приблизил их к себе, держал их вблизи от себя, сдружился с ними и построил в пределах своего государства мечети и школы. Он первый из потомков Чингизхана принял религию ислама»⁸. Другой арабский ученый, Ибн Халдун (ум. 1406 г.), дополняет рассказ о принятии ислама Берке подробностями агиографического характера: «Эльбахерзи жил в Бухаре и послал к Берке предложение принять ислам. Он [Берке] сделался мусульманином и отправил к нему грамоту с представлением ему полной свободы делать в прочих его владениях все, что пожелает. Но он [Эльбахерзи] отказался от этого. Берке отправился в путь для свидания с ним, но он [Эльбахерзи] не позволил ему войти к нему до тех пор, пока его не попросили об этом приближенные. Они выхлопотали Берке позволение [войти]; он вошел, снова повторил обет ислама, и шейх обязал его открыто проповедовать его [ислам]»⁹.

Более того, Берке приписывается попытка остановить общеимперский монгольский поход на Ближний Восток. Такое поведение Берке объяснялось дружбой с халифом ал-Мустасимом: «Хулаку стал представлять в заманчивом виде брату своему Менгукану захват владений халифа и выступил с этой целью. Дошло это до Берке, сына Джучи, и не понравилось ему, потому что между ним и халифом утвердилась дружба. Он сказал брату своему Бату: мы возвели Менгукана и чем он воздает нам за это? Тем, что отплачивает нам злом против наших друзей, нарушает наши договоры, презирает нашего клиента и домогается владений халифа, т. е. моего союзника, между которым и мною происходит переписка и существуют узы дружбы»¹⁰, – пишет ал-Омари (ум. 1348/9 г.).

Ибн абд-аз-Захыр (ум. 1293 г.), секретарь султана аз-Захир Рукн ад-дин Бейбарса I ал-Бундукдари (1260–1277 гг.), сообщает сведения о дипломатической переписке Берке с египетским султаном. Письма, посылаемые из Золотой Орды, действительно рисуют Улус Джучи мусульманским государством, а Берке – борцом с неверными: «Содержали они оба (т. е. письма. – А. Ш.) привет и благодарение, требование помощи против Хулавуна, извещение о том, как он (Берке) действует против ясы Чингизхановой и закона народа своего,

о том, что все совершаемое им (Берке) душегубство вызвано только враждой к нему, что «Я и четыре брата моих принялись воевать против него (Хулагу) со всех сторон, чтобы восстановить опять маяк правоты, и возратить обителям правды (т. е. мусульманским странам) прежнее состояние, т. е. благополучие, прославление Аллаха, призыв к молитве, чтение Корана и молитву, и что бы отомстить за имамов и народ»¹¹.

Здесь уместно сделать, на наш взгляд, важное отступление. Богословие в исламе неоднородно. Это характерно и для эпохи монгольских завоеваний. Умы населения, в зависимости от социально-экономических и политических условий, в разное время подчиняли себе представители тех или иных богословских течений, которые действовали в интересах либо государства, либо отдельных социальных групп. Именно мусульманские богословы и правоведы («улама») формировали общественное мнение по религиозным вопросам¹². Например, в Мавераннахре в XI–XII вв. ключевые позиции в обсуждении общественно значимых проблем занимали деятели из области мусульманской юриспруденции (фикх). Шари'ат, разработанный ханафитскими факихами, с некоторыми оговорками, можно считать «идеологией горожан, моральной и организующей силой в их пассивной и активной борьбе в обществе. А идеалом, за который они боролись, была свобода торговли и ремесленной деятельности в рамках материальных и моральных обязательств, налагаемых шари'атом»¹³. Однако с приходом монголов общественно-политическая ситуация в Мавераннахре коренным образом изменилась. Снизилась роль городских центров и, следовательно, ханафитских факихов. Здесь – теперь уже в Чагатайском Улусе – росло значение кочевого населения и популярного в их среде «сельского духовенства». Началось теоретическое обоснование духовной практики харизматических шейхов («сельского духовенства»), основанной на наследии суфизма классического периода. Суфии стали лидерами социально-политических действий. «В разработанном ими комплексе суфийских учений важное место занимали положения жанра поучений правителей (насихат ал-мулук). Главный мотив этих поучений – духовное наставничество шейха над султаном в следовании последнего по пути Аллаха. Их вмешательства в дела государства в годы его слабости порой решало проблемы межгосударственных отношений, престолонаследия, налогообложения и т. д.»¹⁴. Видимо, подобные идеи нашли отражение в сочинениях мусульманских историков, приписывающих колоссальное духовное влияние бухарского шейха ал-Бахарзи на неопита Берке. Заметим, к слову, что сходная идея соотношения светского и духовного была разработана тибетскими буддистами еще в начале тибето-монгольских отношений. Влиятельными феодальными владетелями Тибета была разработана доктрина, на основании которой должны

были строиться отношения между тибетскими монахами и монгольскими правителями. Глава сузеренного государства, т. е. монгольский хан, принимался в ученики и милостынедатели теократического иерарха, чем подчеркивался примат духовного над светским. Эта доктрина нашла выражение в формуле «Cho – уоп» («чо – йон», т. е. «Священник – патрон» или «Духовный наставник – милостынедатель»)¹⁵.

Порой мы можем встретить в современных исследованиях буквальное прочтение средневековых текстов. «Мощное воздействие исламской культуры в раннем возрасте, – пишет А. Н. Иванов, – в период формирования основ личности, определило глубину усвоения Берке мировоззрения мусульманина. <...> Яркий пример тому – поведение Берке во время визита к ал-Бахарзи. Мы не знаем ничего подобного ни об одном из прочих чингизидов XIII в., отошедших от шаманизма. Совершенно невозможно представить, чтобы Сартак или Ахмед-Текудер смиренно ожидали от одного из представителей покоренного населения, пусть и обладавшего духовным авторитетом, разрешения войти. <...> Берке стал первым среди Чингизидов, кто общность религиозных убеждений поставил выше общности национальной»¹⁶.

Для выяснения той роли, которую сыграл исламский фактор в деятельности Берке, рассмотрим один из эпизодов внешней политики Золотой Орды того периода, а именно борьбу с монгольским Ираном. Общеперский ближневосточный поход монголов закончился уничтожением сорока крепостей исмаилитов с центром в Аламуте, взятием Багдада и казнью халифа ал-Мустасима в 1258 г. В состав нового монгольского государства, созданного Хулагу, вошли Армения, Грузия, Румский султанат, большая часть Малой Азии и Месопотамии и др. Дальнейшие взаимоотношения джучидов с хулагуидами неоднократно становились предметом исследования специалистов. Факторами, спровоцировавшими вражду между Ираном и Золотой Ордой, считаются претензии джучидов на Северный Иран и Азербайджан, где проходила одна из трасс Великого шелкового пути, а также находились богатые пастбища, убийство в Иране золотоордынских царевичей и религиозная война джучидов с хулагуидами.

Война с хулагуидами исследователями часто связывается с мусульманскими воззрениями Берке. По мнению Е. П. Мыськова, «варварское разорение Багдада и казнь халифа для Берке, как и для всех остальных правоверных мусульман, было настоящей трагедией»¹⁷. Более того, А. А. Порсин среди причин войны называет стремление Берке защитить мусульман, попавших под власть Хулагу¹⁸.

В этот же период оформились отношения между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом, выступавших на одной стороне в борьбе с ильханами. Мари Фаверо, рассуждая о причинах альянса Улуса Джучи и Египта, решающим признает

религиозный фактор: «В 1260-х годах Золотая Орда является единственным мусульманским чингизидским государством. Это раннее укоренение в Дар аль-ислам способствует, с одной стороны, созданию независимой уникальной администрации и канцелярии, а с другой – дипломатическому сближению с мамлюками», т. е. речь идет о принадлежности к умме элит обоих государств¹⁹. Схожей позиции придерживается И. Х. Камалов: «Берке-хан, ставший мусульманином еще в юности, сделал ислам основой политики на Ближнем Востоке»²⁰. И. П. Петрушевский, в свою очередь, отмечал, что египетские султаны для борьбы с ильханами старались привлечь на свою сторону джучидов, но только после принятия Берке ислама эти стремления получили религиозную форму «священной войны с неверными»²¹. Исследователь справедливо заметил, что сближение джучидов с мамлюками изначально происходило не на религиозной почве.

По мнению А. Г. Юрченко, джучиды никогда не вели религиозных войн, а сообщения арабских авторов не отражают реального положения вещей. «Сообщение ложной информации – один из приемов дипломатической войны»²².

Делая очередное отступление, отметим, что не только ислам был введен в геополитическую игру на Ближнем Востоке. Необходимость привлечения людских и материальных ресурсов в некоторой мере определили политику монгольских правителей в отношении христиан. Хулагуиды, имевшие преимущественно буддийское окружение, стремились найти поддержку среди верхушки покоренных христианских государств, «посредством покровительства, со временем перешедшего в прямое поощрение христианского духовенства»²³. Ильханы учитывали давние связи, существовавшие между Арменией и Грузией, с одной стороны, и Северным Кавказом, представлявшим собой очаг сопротивления чингизидам – с другой. Поощряя миссионерскую деятельность Грузии в северокавказских районах, хулагуиды стремились распространить там свое влияние и привлечь горцев к борьбе с джучидами. В свою очередь, джучиды в XIV в. стремятся распространить свое влияние в Северокавказском регионе за счет деятельности католического миссионерства. Однако их деятельность в этом направлении не привела к серьезным изменениям²⁴.

Католическая церковь, по мнению А. Б. Малышева, в Золотой Орде преследовала следующие цели: «1) проповедь католичества; 2) обслуживание общин католиков; 3) идеологическое и политическое влияние католиков и папства на элиту и общество в целом (обращенных или лояльных к католичеству); 4) дипломатические связи; 5) разведка и сбор полезной информации»²⁵. Исследователь, основываясь на сообщении анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде XIV в., отмечает работу двух т.н. Татарских Викарий – Северной,

действовавшей на территории Золотой Орды, и Восточной – на территории государства хулагуидов, в том числе Грузии и Армении²⁶. Возможно, этот факт является причиной неудач джучидов в попытках укрепить свое положение в Северокавказском регионе за счет католической миссионерской деятельности. Подобная пропаганда велась и на территории Ирана, в том числе в Армении и Грузии, известных своими давними связями с горным населением Кавказа.

Итак, вернемся к интересующим нас вопросам. Какую роль сыграл ислам в политической деятельности Берке? С утверждением, что Золотая Орда уже в XIII в. стала частью Дар ал-ислам, трудно согласиться. Ибо это предполагает коренные изменения в устройстве монгольского общества. Одной из характерных особенностей мусульманских монархий является регламентация религией всей государственной и общественной жизни – для ислама это сакральные сферы. «Ведь государство и общество созданы самим пророком под руководством Бога, и их законы даны самим Богом в священной книге откровения. Управление таким государством, его жизнь не чисто «светские» дела, как не чисто «светскими» делами являются и такие повседневные занятия верующих, как торговля, найм на работу, составление завещаний, ведение войн и т. д., то есть все то, относительно чего можно найти прямые или косвенные, выводимые логическим путем, указания в Коране и Сунне»²⁷. И более того, «в мусульманском мире любые социальные формы и любые изменения должны оцениваться с точки зрения одной вечной модели – модели мединского государства (или протогосударства) пророка, зафиксированной в шариате»²⁸. Напомним, однако, что это не жесткое требование, а скорее идеальная модель. Уже после смерти пророка круг его последователей разделился на хариджитов, суннитов и ши'итов, имевших разные представления о природе власти (хукм). А сами мусульманские государства, по причине историко-культурных, географических и др. особенностей, всегда имели различия в своем устройстве²⁹. Тем не менее, насколько Улус Джучи в 1260-х гг. соответствовал этой модели?

Египетский султан аз-Захир Рукн ад-дин Бейбарс I ал-Бундукдари отправил в конце 1262 г. первую дипломатическую миссию в Золотую Орду³⁰. Ибн абд-аз-Захир, секретарь султана, пишет о предписаниях, которым следовали послы в ставке Берке: «...входили с левой стороны, а по отобрании от них послания переходили на правую сторону и припадали на оба колена. Никто не входит к нему в шатер ни с мечом, ни с [другим] оружием, и не топчет ногами порога шатра его; никто не слагает оружия своего иначе, как по левую сторону, не оставляет ни лука в сайдаке, ни натянутым, ни вкладывает стрел в колчан, не ест снега и не моет одежды своей в орде»³¹.

Послам было запрещено касаться порога, есть снег и стирать одежду. Рашид ад-Дин, везир хулагуидов, дает объяснение одному из этих за-

претов, описывая случай, произошедший с неким Абд ар-Рахманом: «Обычай и порядок у монголов таковы, что весной и летом никто не сидит днем в воде, не моет рук, не черпает воду золотой и серебряной посудой и не расстилает в степи вымытой одежды, так как, по их мнению, именно это бывает причиной сильного грома и молнии, а они [этого] очень боятся и обращаются в бегство. Однажды каан шел вместе с Чагатаем с охоты. Они увидели какого-то мусульманина, который совершал омовение в воде. Чагатай, который в делах обычая придерживался даже мелочей, хотел убить этого мусульманина. Каан сказал: «[Сейчас] не время, и мы устали; пусть его содержат под стражей сегодняшнюю ночь, а завтра его допросят и казнят». Он поручил его Данишменд-хаджибу, приказал тайно бросить в воду в том месте, где он [мусульманин] совершал омовение, один серебряный балыш и сказать ему [мусульманину], чтобы во время суда он говорил [следующее]: «Я человек бедный, деньги, которые я имел, упали в воду, и я спустился, чтобы их достать». На другой день, во время расследования, он твердо держался этого объяснения. – Когда туда послали, то в воде нашли балыш. Каан сказал: «У кого может хватить на то смелости, чтобы преступить великую ясу? Этот несчастный ведь жертвовал собой ради такого пустяка из крайней нужды и бедности». Его простили»³².

Итак, перед нами запрет, зафиксированный в Ясе Чингисхана и распространяющийся на мытье, стирку и сушку одежды весной и летом³³. Нарушение запрета могло спровоцировать гнев Неба (гром и молния)³⁴. В свою очередь, известно, какую роль играло Небо в жизни средневековых монголов. Небо (Тенгри) – «безначальное, несотворенное, создатель всего сущего, владыка мира; оно определяет судьбы человека, санкционирует государственную власть»³⁵. Очевидно, запреты, существовавшие при дворе Берке, налагаются на действия, связанные с вредоносной магией, и имеют своей целью обезопасить социум от возможного гнева Тенгри.

Кроме того, послам было запрещено касаться порога. Запрет касания порога у монголов широко известен по ряду других источников. Перед аудиенций у Сартака Вильгельму Рубруку и его спутникам «очень усердно посоветовали <...>остеречься при входе и выходе, чтобы не коснуться порога дома»³⁶. Далее Рубрук пишет, что перед встречей с Бату «мы получили внушение не касаться веревок палатки, которые они рассматривают как порог дома»³⁷, а один из товарищей Рубрука, случайно споткнувшийся о порог, был схвачен и отведен к Булгаю, «старшему секретарю двора и осуждающему виновных на смерть»³⁸. Он был помилован благодаря Рубруку, слукавившему, что их никто не информировал об этом запрете: «На следующий день пришел Булгай, бывший судьей, и подробно расспросил, внушал ли нам кто-нибудь остеречься от прикосновения к

порогу. Я ответил: «Господин, у нас не было с собой толмача, как могли бы мы понять?» Тогда он простил его. После того ему никогда не позволяли входить ни в один дом хана»³⁹. Лама Галсан Гомбоев, сопоставивший сведения Плано Карпини с современными ему традициями монголов, отметил, что почтительное отношение к порогу сохранилось вплоть до XIX в., о чем свидетельствуют поговорки: «Не садись на порог – грех! Не пинай порог – грех!»; «Перешагнуть золотой порог хана/князя», в значении удостоиться чести явиться перед какой-либо знатной персоной. В итоге Г. Гомбоев заключает, что «у монголов не осталось никакого предания для объяснения этого значения порога. Кажется, сначала получил значение только порог хана, и уже в последствии стали приписывать значение порогам вообще»⁴⁰.

Едва ли эти взгляды уходят корнями в мусульманскую традицию. Обычай, действовавший в ставке Берке, показывают, насколько преувеличены сообщения арабских авторов об искренней приверженности Берке исламу.

Сравнивая роль религиозного фактора в арабских и монгольских завоеваниях, А. М. Хазанов писал: «Не надо быть постмодернистом, чтобы знать, как трудно понять ум и душу даже современников, и тем более людей других времен и культур. Невозможно точно определить роль чисто религиозной мотивации в арабских завоеваниях»⁴¹. Сложно установить степень искренности мусульманских убеждений Берке, но мы склонны полагать, что ислам выступал для него скорее *ресурсом*, обеспечивающим достижение конкретных целей, нежели *фактором*, мотивирующим его действия. Буддист Хулагу, видимо, руководствовался теми же принципами, оказывая поддержку христианам Грузии и Армении. Стоит согласиться с мнением А. А. Арслановой о том, что в борьбе с монгольским Ираном ислам играл «роль определенного идеологического средства, которое Берке использовал для завоевания симпатий тех мусульман, которые находились на территории, подвластной ильханам, т. е. для привлечения внутренних и внешних врагов ильхана»⁴².

Примечания

- ¹ Нуруллаев А. А., Нуруллаев Ал. А. Религия и политика. М., 2006. С. 17–18.
- ² Артюшкин В. Ф. Религиозный фактор во внутренней и внешней политике России // Обозреватель-Observer. 2011. № 2. С. 8.
- ³ Веселовский Н. И. О религии татар по русским летописям // Веселовский Н. И. Труды по истории Золотой Орды. Казань, 2010. С. 99.
- ⁴ Юрченко А. Г. Золотая Орда : между Ясой и Кораном (начало конфликта). СПб., 2012. С. 39.
- ⁵ См.: Митрофанова А. В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. 2008. № 1. С. 109.

- 6 См.: *Бира Ш.* Тенгеризм // Век глобализации. 2009. № 1. С. 152–154.
- 7 См.: *Ваиари И.* «История и Легенда» в обращении в ислам хана Берке // Юрченко А. Г. Золотая Орда... С. 171–183.
- 8 Золотая Орда в источниках. Т. 1. М., 2003. С. 73.
- 9 Там же. С. 170.
- 10 Там же. С. 111–112.
- 11 Там же. С. 42.
- 12 См.: *Прозоров С.* К проблеме верховной власти в исламе // Ислам и светское государство. Ташкент, 2003. С. 32.
- 13 *Муминов А. К.* Светское и религиозное в интерпретации 'Улама' в средневековой Центральной Азии // Ислам и светское государство. С. 88.
- 14 Там же. С. 89.
- 15 См.: *Рерих Ю. Н.* Монголо-Тибетские отношения в XIII и XIV вв. // Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия : статьи, лекции, переводы. Самара, 1999. С. 144 ; *Рерих Ю. Н.* Тибетский буддизм [вариант 4] // Рерих Ю. Н. Буддизм и культурное единство Азии. М., 2002. С. 38.
- 16 *Иванов А. Н.* К вопросу о причинах принятия ислама золотоордынским ханом Берке // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань, 2009. С. 106–107.
- 17 *Мыськов Е. П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313). Волгоград, 2003. С. 87.
- 18 См.: *Порсин А. А.* Причины и ход войны между Золотой Ордой и Хулагуидским Ираном (1262–1266 гг.) // Золотоордынское наследие. Вып. 1. Казань, 2009. С. 200–210.
- 19 *Фаверо М.* К вопросу об альянсе между Золотой Ордой и Мамлюкским султанатом по арабским источникам // Золотоордынское наследие. Вып. 1. Казань, 2009. С. 46–47.
- 20 *Камалов И. Х.* Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. Казань, 2007. С. 43.
- 21 *Петрушевский И. П.* Иран и Азербайджан под властью хулагуидов (1256–1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 237.
- 22 *Юрченко А. Г.* Золотая Орда... С. 86.
- 23 *Нарожный Е. И.* О роли христианства в хулагуидо-джучидских взаимоотношениях в предкавказской зоне // Северное Причерноморье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов н/Д, 1989. С. 110.
- 24 Там же. С. 113–114.
- 25 *Мальшев А. Б.* Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 183.
- 26 Там же. С. 183–184, 186.
- 27 *Фурман Д. Е.* Реформа ислама по Мохамеду Тахе и Ахмеду Ан-Наиму // Фурман Д. Е. Избранное. М., 2011. С. 209.
- 28 Там же. С. 213.
- 29 См.: *Прозоров С.* Указ. соч. С. 31.
- 30 См.: *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966. С. 45–49.
- 31 Золотая Орда в источниках. Т. 1. М., 2003. С. 45. Аналогичную информацию передают более поздние арабские авторы. Например, ал-Муфаддаль (Там же. С. 92–93) и ал-Макризи (*Брун Ф.* О дипломатических сношениях египетского султана Бибарса с золотоордынским ханом Берке // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867. С. 614–615).
- 32 *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1952. С. 49.
- 33 Иоанн де Плано Карпини дает более подробный перечень запретов, называемый им «грехами»: вонзять нож в огонь; касаться огня ножом; извлекать ножом мясо из котла; рубить топором возле огня; опираться на плетя, которой погоняют коня; касаться плетью стрел; ловить или убивать молодых птиц; ударять лошадь уздой; ломать кость о другую кость; проливать на землю молоко или другой какой напиток или пищу; мочиться в ставке и далее. «Точно так же, если кому положат в рот кусочек, и он не может проглотить его и выбросит его изо рта, то под ставкой делают отверстие, вытаскивают его через это отверстие и без всякого сожаления убивают; точно так же, если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом» (*Плано Карпини Д. дель.* История Монгалов // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 30). Бенедикт Поляк, переводчик францисканской миссии, передает аналогичные сведения (См.: История Тартар брата Ц. де Бридиа // Христианский мир и Великая Монгольская империя. СПб., 2002. §42). Смысл и происхождение большинства описываемых францисканцами запретов не совсем ясны, хоть те и имеют корни в традиционных верованиях монголов.
- 34 Об отношении монголов к грому и молнии см.: *Юрченко А. Г.* Империя и космос : Реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. 301–327; *Юрченко А. Г.* Золотая Орда... С. 123–130.
- 35 *Неклюдов С. Ю.* Монгольских народов мифология // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 171.
- 36 *Рубрук де Г.* Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 112–113.
- 37 Там же. С. 119.
- 38 Там же. С. 149–150.
- 39 Там же. С. 151.
- 40 *Гомбоев Г.* О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини // ТВОИРАО. Ч. 4. СПб., 1859. С. 237–238.
- 41 *Хазанов А. М.* Мухаммед и Чингис-хан в сравнении : роль религиозного фактора в создании мировых империй // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 398.
- 42 *Арсланова А. А.* Причины войн Улуса Джучи с Хулагуидским Ираном // Нижнее Поволжье и Исламская Республика Иран. Саратов, 2004. С. 43.